
Вальдемар Гольм
Оставить у двери

Вальдемар Гольм

Оставить у двери

https://litres.ru/74728774
SelfPub; 2026

Аннотация

Три года AD не выходит из квартиры на двадцать шестом этаже. Работа — базы данных, еда — на коврике у двери, разговоры — сообщениями. В примечаниях к каждому заказу у него стоит одно и то же: «Оставить у двери, не звонить, не ждать, спит ребёнок». Ребёнка нет. Есть отлаженный протокол, который заменил ему всё остальное.

В вечер ледяного дождя район обесточивает, а на площадке начинает дымить щиток. Чтобы вызвать пожарных, нужен чужой телефон; чтобы попасть домой на 26 этаж — чужая помощь. И первый человек, который за три года заговорит с ним вслух, окажется той самой курьершей, которой он два года писал про спящего ребёнка.

Рассказ о том, что доступность — не присутствие и что просьба, сказанная голосом, дороже тысячи сообщений.

Вальдемар Гольм
Оставить у двери

Свет в квартире включался сам, по расписанию, и к семи утра уже имитировал рассвет: тёплый, медленно набирающий силу, как будто за стеной встаёт солнце.

Он открывал глаза, смотрел в потолок и первым делом тянулся к планшету. Статус в корпоративном мессенджере менялся на «В сети» раньше, чем он успевал сесть.

В этих двух словах не было ни грамма правды. Сеть держала его, а не он её. И «быть в сети» означало ровно одно: его можно найти, но нельзя встретить.

В рабочем контуре он был AD. Ведущий архитектор баз данных, безупречный: спринты сдавал в срок, в чатах отвечал первым, на созвонах камеру держал выключенной и ссылался на пропускную способность канала. Канал был оптоволоконным и идеальным. Просто его лицо три года не попадало ни в один объектив, кроме собственного.

Он рано понял, что текст милосерден. В тексте нельзя перебить, нельзя опоздать, нельзя сказать не то: сказанное не то отменяется одной клавишей, и никто не видел, как ты сомневался. В тексте он был безупречен. Безупречность — свойство систем, а не людей: люди пахнут, люди мямлят, люди делают паузы не там, где надо.

Работа была в том, чтобы системы находили друг друга

без человека. Чтобы ничего не нужно было никуда нести, ни с кем не договариваться, никуда не идти. Он был в этом хорош. Настолько, что однажды построил это и для себя — и не заметил, как построил.

В полдень телефон дважды дёрнулся: «Курьер оставил заказ у двери».

Он ждал пять минут. Не из осторожности — так было заведено: пока в подъезде не стихнут шаги и не хлопнет лифт, он к двери не подходил. Потом поворачивал защёлку, приоткрывал ровно на ширину ладони, втягивал бумажный пакет с термоконтейнерами и запирал на все обороты.

В примечаниях к каждому заказу стояла одна и та же фраза: «Оставить у двери, не звонить, не ждать, спит ребёнок».

Ребёнка не было. Фраза придумалась в первый год, потому что была короче остальных, которые он пробовал, и потому что работала: курьеры перестали звонить. Через полгода она стала чем-то вроде пароля — он набирал её на автомате, не читая, как набирают пин-код.

Ложь, повторённая восемьсот раз, перестаёт быть ложью и становится протоколом.

Готовая еда, бытовая химия, одежда базовых цветов, фильтры для воды, новые гаджеты — всё материализовалось на коврике. Квартира была замкнутой экосистемой с климат-контролем и датчиками CO_2. Беговая дорожка показывала осенний Киото. Робот-пылесос уползал на базу, и он иногда говорил ему вслух «спасибо» — хрипло, непривыч-

но, потому что связки отвыкали. За три года это было единственное «спасибо», произнесённое вслух.

В подъезде иногда щёлкало в щитке. Он не обращал внимания: это было снаружи, а снаружи его не касалось.

По вечерам он выключал свет, подходил к панорамному окну и смотрел вниз. Крошечные фигурки ныряли в метро, мокли под дождём, держались за руки, спорили. Сверху они были похожи на интерфейс: действуют, но ответа не требуют. Где-то там, на уровне второго этажа, через вентиляционную шахту тянуло горячим хлебом — он чувствовал запах, не зная, откуда он.

Он не завидовал. В его мире не было чужих взглядов, неловких пауз, микробов и боли разочарований. Плата была одна, и он давно перестал её замечать: в его мире не было никого, кто мог бы ответить.

***

Дождь начался около шести — редкий, почти невидимый, потом затянул стекло сплошной плёнкой, и город внизу потерял резкость, расплылся в мутное пятно огней. Он стоял у окна дольше обычного: смотрел, как ветер гонит по асфальту воду и как люди внизу перебегают от козырька к козырьку.

В подъезде щёлкнуло — коротко, дважды, как щёлкало всегда. Он не обернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.